

AARDM Reprint - 1982

ПАМЯТИ

ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕНЪЙШАГО АРХИЕПИСКОПА

НИКОНА,

ЭКЗАРХА ГРУЗИИ.

(1861—1908).

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Дмитрій Скворцовъ.

ТУЛА.

Типографія К. И. Дружининой, Клевская ул., домъ № 18.

1909.

ПАМЯТИ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА

НИКОНА,

ЭКЗАРХА ГРУЗИИ.

(1861—1908).

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Дмитрій Скворцовъ.

ТУЛА.

Типографіе К. Н. Дружининой, Кіевская ул., домъ № 18.

1909.

AARDM Reprint

Archives of Americans of Russian Descent
in Minnesota
3217 - 32nd Avenue N.E.
Minneapolis, MN. 55418
U.S.A.

ПАМЯТИ

Высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Никона, ЭКЗАРХА ГРУЗИИ.

(28 мая 1908 г.—28 мая 1909 г.—Изъ личныхъ воспоминаній).

28 мая исполнился годъ со дня мученической кончины экзарха Грузіи, архіепископа Никона. Не могу утерпѣть, чтобы не посвятить памяти его нѣсколькихъ моихъ личныхъ воспоминаній. Для этого я имѣю особня побужденія. Я близко зналъ преосвященнаго Никона съ дѣтскихъ лѣтъ и до послѣдняго года его жизни не прерывалъ съ нимъ сношеній и переписки. Онъ былъ—мой землякъ, товарищъ по духовному училищу и семинаріи, и другъ, каковымъ онъ самъ себя считалъ до послѣдняго времени. Въ бытность его епископомъ Нарвскимъ я былъ у него въ Петербургѣ,—и вотъ съ какою подписью онъ подарилъ мнѣ тогда свою фотографическую карточку: „Дмитрію Ивановичу Свворцову, земляку, товарищу и другу. Никонъ, Е. Нарвскій 1901 г. авг. 30“.

„Кажется, тутъ все сказано“, замѣтилъ онъ, даря мнѣ свою карточку съ такою подписью. Это было 30 августа 1901 года,—въ день Лаврскаго праздника, въ его покояхъ, гдѣ я временно имѣлъ у него пребываніе, вызванный въ Петербургъ для просмотра семинарскихъ программъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими преподавателями семинарій.

Дорогъ и пріятенъ мнѣ былъ этотъ даръ и тогда, а теперь, послѣ трагической кончины высокопреосвященнаго, цѣнность его увеличилась въ нѣсколько разъ. Никакъ нельзя было думать, что я скоро не буду имѣть возможности видѣть этого еще молодого, энергичнаго и здоровьемъ дышавшаго „земляка, товарища и друга“.

По всему этому понятно, какъ меня поразила вѣсть объ убійствѣ его. Подъ 29 мая прошлаго года въ моей памяткѣ отмѣчено слѣдующее: „Скорбный для меня день! Утромъ, еще до чая, вынудъ изъ почтоваго ящика газету „Тул. Молва“, и въ заглавіи

ея на первомъ мѣстѣ прочиталъ: „убійство преосв. Никона, экзарха Грузіи“. Какъ громомъ поразило меня одно это заглавіе!

Обращаюсь къ нѣкоторымъ своимъ воспоминаніямъ о высокопреосвященномъ Никонѣ.

Преосвящ. Никонъ, въ мѣрѣ Николай Андреевичъ Софійскій, род. 1861 г. въ мартѣ мѣсяцѣ. Родина его — село Озарниково, Костром. губ., отстоящее отъ г. Чухломы въ 12 верстахъ, а отъ моей родины въ 20 верстахъ. Черезъ это село мнѣ многое множество разъ приходилось проѣзжать, когда я учился въ семинаріи и въ академіи, а также и тогда, когда я посѣщалъ свою родину, будучи уже на службѣ въ разныхъ семинаріяхъ. Это — небольшое и дов. бѣдноватое село. Для меня лично село это дорого и памятно не только потому, что оно — родина моего „друга“ Никона, но и потому еще, что оно — родина моего отца — священника одного изъ сосѣднихъ селъ (Торманова). Когда меня отецъ провожалъ въ городъ, то не рѣдко указывалъ дов. большой „пустырь“, который когда-то былъ домомъ моего дѣдушки — дьячка с. Озарникова, погребеннаго вмѣстѣ съ бабушкой въ оградѣ этого села. Не рѣдко на могилахъ ихъ я служилъ панихиды, при чемъ однажды служилъ панихиду о. Николай Софійскій.

Николай Софійскій былъ однимъ изъ младшихъ сыновей дов. многосемейнаго священника села Озарникова о. Андрея и матушки Марьи. До поступленія въ Солигаличское духовное училище мы не встрѣчались съ нимъ, но о существованіи села Озарникова и Софійскихъ въ немъ я зналъ даже до поступленія въ училище. Въ восьми верстахъ отъ моей родины служилъ священникомъ дядя преосвященнаго о. Елисей Софійскій, пользовавшійся значительною извѣстностію въ округѣ и не рѣдко бывавшій въ гостяхъ у моего отца.

Первая встрѣча моя съ „Колей“ Софійскимъ была въ духовномъ училищѣ г. Солигалича. Мало сохранилось воспоминаній отъ этого, можно сказать, еще дѣтскаго періода жизни въ училищѣ. Сообщу, что помнится. Коля Софійскій былъ очень бойкій мальчикъ, съ черными глазами, очень подвижной и рѣзвый. На нѣкоторыхъ урокахъ я сидѣлъ съ нимъ на одной партѣ, и онъ иногда мало давалъ покоя, за что попадало ему отъ учителей. Особенно памятны уроки пѣнія. Намъ обоимъ пѣніе не давалось, и мы не рѣдко отъ учителя пѣнія о. Арсенія Митинскаго получали „кривыя единицы“ (баллъ 1, — о. Арсеній почему-то всегда

сталась кривую). Но это, пожалуй-бы ничего, но горшее того было обычное послѣдствіе уроковъ пѣнія, которыхъ въ недѣлю было 3 или 4. Насъ вмѣстѣ съ многими другими малоспособными къ пѣнію (которыхъ всѣхъ товарищи называли въ насмѣшку „любимчиками“ о. Арсенія) почти послѣ каждого урока пѣнія о. Арсеній оставлялъ въ классѣ послѣ уроковъ „доучиваться“ часа на 1½—2. Тяжело доселѣ вспомнить эти, такъ сказать, „послѣурочные уроки“, которые просиживалъ съ нами и долготерпѣливый учитель. Можно себѣ представить,—каково было намъ—мальчикамъ десяти лѣтъ—голоднымъ и утомленнымъ четыремя полутора—часовыми уроками—просиживать еще часа полтора—и не просто просиживать, но и еще тянуть ноты за о. Арсеніемъ, которыя тянули не рѣдко со слезами. Объ этихъ урокахъ впослѣдствіи, въ бесѣдѣ уже съ преосвященнымъ Никономъ, мы нерѣдко вспоминали, вспоминали и „старательнаго“ о. Арсенія, который такъ и не сдѣлалъ насъ пѣвцами. Впрочемъ, преосвященный потомъ владѣлъ своимъ голосомъ (не сильнымъ баритономъ) дов. умѣло, но, конечно, не благодаря „усиліямъ“ о. Арсенія...

Затѣмъ, вспоминается, что мы оба были „аудиторами“ по ариѳметикѣ, на обязанности коихъ лежало прослушивать урокъ (предъ началомъ урока) нѣсколькихъ „подъаудиторныхъ“ (человѣкъ пять). Но помнится, что мы не особо исправными аудиторами были... По крайней мѣрѣ, однажды насъ—самихъ „аудиторовъ“—учитель ариѳметики (тоже Софійскій—какой-то даже родственникъ Коли) поставилъ „на колѣни до святокъ“ (это значило: какъ урокъ ариѳметики,—такъ и нужно становиться на колѣни), но потомъ скоро насъ помиловали... Должно быть, мы были и не совсѣмъ „безкорыстные“ аудиторы и ставили хорошіе баллы своимъ ученикамъ въ аудиторномъ спискѣ за булочку или пирожокъ, за „домашники“. (Не малую роль эти „домашники“ играли въ нашей школьной жизни).

А вотъ и еще воспоминаніе, связанное съ именемъ „Коли“ Софійскаго, которое мнѣ вѣрно запомнилось. Однажды, предъ урокомъ чистописанія, во второмъ классѣ, мы сильно разыгрались. Трудные уроки кончились, осталось чистописаніе, настроеніе было очень игривое, приподнятое... Мы не знали,—какой-бы лучше сюрпризъ предподнести учителю чистописанія (Германовичу). Одинъ изъ товарищей придумалъ написать дов. неприлич-

ное прозвище этого учителя и приклеить бумажку къ ножкѣ учительскаго стола. Это видѣли только я и Коля Софійскій. Учитель бумажку замѣтилъ и представилъ помощ. смотрителя. Началось оч. строгое слѣдствіе, продолжавшееся долго. Не помню теперь подробностей, но только хорошо помнится наше страшное опасеніе,—какъ бы бойкій Коля не выдалъ насъ. Вѣдь, при тогдашнихъ строгостяхъ, за такой проступокъ, несомнѣнно, послѣдовало бы исключеніе изъ училища. Помощникъ смотрителя ходилъ по квартирамъ учениковъ, допрашивалъ, грозилъ..., но такъ какъ, кромѣ насъ двоихъ, никто не зналъ тайны, то она осталась тайной, а раскрытіе ея грозило кончиться печально для судьбы всѣхъ насъ троихъ.

На лѣтнія каникулы мы, обыкновенно, группами отправлялись по домамъ нѣшкомъ, тутъ также на разстояніе верстъ около 15-ти приходилось идти вмѣстѣ съ Колей Софійскимъ,—и мы, „неспособные къ пѣнію“, принимали однако участіе въ пѣніи по дорогѣ пѣсенъ, въ родѣ: „ахъ, ты воля моя, воля“.

Съ 1876—1882 г. мы обучались вмѣстѣ въ Костромской семинаріи, но такъ какъ жили въ разныхъ корпусахъ и попали въ разные отдѣленія по классамъ, то общенія у меня съ Софійскимъ было очень мало. Софійскій, какъ сирота, былъ принятъ на полное казенное содержаніе и жилъ въ казенно-коштномъ корпусѣ, а я въ своекоштномъ, тогда только еще построенномъ. Ближе мы сошлись по занятіямъ только въ высшихъ классахъ, особенно въ VI классѣ, гдѣ уже было одно отдѣленіе (всѣхъ учениковъ было 42 чел.). Помню очень хорошо, что Софійскій сидѣлъ на партѣ сзади меня, вмѣстѣ съ „первакомъ“ нашего курса Влад. Пановымъ. Поэтому, намъ очень часто приходилось въ перемѣны вмѣстѣ подготавливаться къ урокамъ, при чемъ я не рѣдко былъ и полезенъ ему. Дѣло въ томъ, что я имѣлъ обыкновеніе за нѣкоторыми преподавателями записывать объясненіе уроковъ, особенно за преподавателемъ догматики И. А. Орфанитскимъ, нынѣ дов. извѣстнымъ московскимъ протоіереемъ. По этимъ-то записямъ не рѣдко подготавливался къ урокамъ и Софійскій. Центромъ, объединившимъ и насъ и многихъ другихъ учениковъ, все-таки былъ „первакъ“ Пановъ. Не позабыть,—какъ около него группировались кучки учениковъ для того, чтобы послушать объясненіе урока или что-либо относящееся къ уроку. Это былъ, дѣйствительно, „голова“ (умеръ онъ отъ чахотки на второмъ курсѣ

Моск. дух. Академіи). Вышеупомянутый преподаватель Орфанитской особенно часто насъ троиухъ (Цанова, Софійскаго и мени) любилъ спрашивать повторять объясненіе новаго урока.

На семинарской скамьѣ Николай Софійскій не мечталъ объ Академіи (хотя по спискамъ шелъ всегда въ первомъ десяткѣ: окончилъ семинарскій курсъ седьмымъ), его мечты, какъ было видно, направлялись на мирную сельскую жизнь и работу въ санѣ священника. Можетъ быть, раннее сиротство сдѣлало его скромнымъ въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ.

Изъ семинарскихъ годовъ жизни припоминаются также наши совмѣстные поѣздки на лѣтнія каникулы на лошадахъ на разстояніе почти 200 верстъ: дорога на наши родины была одна. Поѣздки эти совершались такъ. Стоварились человекъ шесть, а то и семь, ѣдущихъ по одному направленію къ г. Галичу, нанимали общій экипажъ,—такой фургонъ, крытый со всѣхъ сторонъ, съ окнами по бокамъ, куда и усаживалась вся компанія. Лошадей обычно, была тройка. При ѣздѣ, особенно быстрой и по худой дорогѣ, буквально колотились другъ о друга, стукались лбами, прикусывали языки,—и это въ продолженіе болѣе, чѣмъ сутокъ. Несмотря на то, эта дорога намъ была пріятна и весела: черезъ каждые 20—25 верстъ были становки для перемѣны лошадей. На этихъ станціяхъ были трактиры, въ которыхъ можно было и поѣсть и попить и, если угодно, и поспать. Во время такихъ остановокъ отдыхали и отъ тряски, и отъ пыли, и отъ духоты, чѣмъ очень мучились въ фургонѣ. Однажды, когда я ѣхалъ при подобныхъ „удобствахъ“ вмѣстѣ съ Софійскимъ и другими, на насъ буквально напалъ рой слѣпней, не дававшихъ намъ ни минуты покоя. Принялись за избіеніе ихъ,—и особенно въ этомъ отличался энергичный Софійскій. Въ другую мою поѣздку съ Софійскимъ и К^о, былъ такой случай. Верстахъ въ шести до г. Галича есть рѣка Чолсма, черезъ которую непременно нужно проѣзжать, а къ этой рѣкѣ спускается очень длинная (около версты), а къ рѣкѣ—очень крутая гора. Обыкновенно, при проѣздѣ этимъ мѣстомъ, принимаются всѣ предосторожности: пассажиры выходятъ изъ экипажа и идутъ пѣшкомъ до рѣки, колеса экипажа подвязываются веревками для тормазы и т. о. ямщикъ тихо спускаетъ лошадей къ рѣкѣ. Въ описываемый разъ мы съ Софійскимъ (и еще съ какимъ-то товарищемъ) не вышли изъ фургона, а ямщикъ на нѣкоторое время почему-то сошелъ

съ своего мѣста... И вотъ вдругъ, на самой крутизнѣ горы предъ рѣкою лошади неудержимо помчались..., мы были въ большой опасности и ужасно перепугались... Промчавшись мостомъ, лошади круто повернули направо — и прямо въ рѣку (очевидно, ихъ мучила жажда). Нашъ экипажъ дов. глубоко оказался въ рѣкѣ, а мы „яко въ фараоновой колесницѣ“; вода была близка къ окнамъ экипажа, боялись—вотъ-вотъ онъ совсѣмъ погрузится. Энергичный Софійскій быстро раздѣлся и бросился вилавъ къ берегу. Я не рѣшился на это и остался въ экипажѣ, съ ужасомъ ожидая, что-то будетъ: дерни лошади еще немного дальше, и экипажъ совсѣмъ погрузился бы... Между тѣмъ, какъ все это происходило, наши „благоразумные“ спутники успѣли спокойно дойти до рѣки и уже купались. Увидѣвъ насъ въ большой опасности, они подплыли къ экипажу, и общими усилями вмѣстѣ съ ямщикомъ едва-едва удалось имъ какъ-то вытянуть экипажъ изъ рѣки. Избавились отъ большой непріятности. Но эта непріятность имѣла печальныя послѣдствія для ямщика: одна лошадь опилась и скоро на дорогѣ околѣла.

Иногда отъ г. Чухломы, а то и отъ Галича, мы отправлялись „пѣшимъ хожденіемъ“. Я былъ несравненно болѣе слабыхъ силъ, чѣмъ Софійскій,—и потому отъ послѣдняго слышалъ поощреніе въ подгонку въ такомъ родѣ: „эй, подпрыгивай, не отставай...“ И въ этихъ, несомнѣнно, тяжелыхъ путешествіяхъ теперь (вѣроятно потому, что они были очень давно и такъ сказать — опозитизировались) чувствуется какая-то прелесть... А какая закалка, выносливость и терпѣливость чрезъ это пріобрѣтались!

Окончаніе семинарскаго курса мы справдновали за р. Волгой, въ небольшомъ лѣску, около с. Городища,—прямо противъ семинаріи. Были всѣ, которые близки были между собою.

Изъ нашего курса (42 челов.) въ первомъ разрядѣ кончили 19 человѣкъ, изъ коихъ въ Академіяхъ духовныхъ кончило 12 человѣкъ. Отмѣчу нѣкоторыхъ со-курсниковъ Высокопреосвященнаго Никона. „Первакъ Пановъ умеръ, не успѣвъ своихъ богатыхъ дарованій примѣнить къ дѣлу и жизни. 2-й—Александръ Голубцовъ, нынѣ ордин. проф. Моск. духов. Академіи, докторъ церк. исторіи; Сергѣй Пернаткинъ—умеръ директоромъ народныхъ училищъ Костром. губ.; Димитрій Цѣликовъ состоитъ смотрителемъ Александро-Невскаго дух. училища; Александръ Потаповъ—священникъ Флоро-Лаврской церкви, на Зацѣпѣ, въ

Москвѣ; Димитрій Скворцовъ—магистръ Богословія,—преподаватель Тульской дух. семинаріи. Всего: одинъ—докторъ церк. исторіи, одинъ магистръ Богословія и 10 кандидатовъ Богословія.

По окончаніи курса въ семинаріи, мы съ Софійскимъ разошлись по разнымъ путямъ. Я въ первый же годъ, по окончаніи, именно въ 1882 году, поступилъ въ Московскую духовную Академію, а Н. Софійскій, какъ я потомъ скоро узналъ, на время поступилъ надзирателемъ въ Макарьевское дух. училище, Костр. губ., съ намѣреніемъ потомъ принять священный санъ, каковое намѣреніе онъ скоро и исполнилъ. Женившись, онъ въ 1883 г. поступилъ священникомъ,—въ какой-то небогатый приходъ, кажется, того же Макарьевского у. За этотъ періодъ времени мы съ нимъ и не видались и не переписывались. Но вотъ до меня—въ Академію—доходитъ слухъ, что Н. А. Софійскій на первомъ же году женитьбы овдовѣлъ. Тутъ же я узналъ трогательную подробность такого рода. Сосѣдній съ нимъ священникъ также въ томъ же году овдовѣлъ, будучи старше Софійскаго только на одинъ годъ. Это—Гавріилъ Никольскій (нынѣ Филаретъ-епископъ Вятскій) *). Эти два молодые священника—сосѣда—взаимно похоронили своихъ женъ—и задумали крѣпкую думу: оставить міръ, поступить въ духовную Академію и принять монашество. Да и могъ-ли быть какой-либо лучшей исходъ для молодыхъ вдовцовъ—священниковъ? Самъ Богъ указывалъ имъ этотъ путь.

И вотъ о. Н. Софійскій въ 1884 году поступаетъ въ Петербургскую духовную Академію. Какъ онъ проживалъ и какъ занимался въ Академіи—я свѣдѣній не имѣлъ до 1886 года. Но несомнѣнно, онъ былъ однимъ изъ усердныхъ студентовъ Академіи. Это видно, между прочимъ, и изъ того, что въ сохранившихся у меня отъ него и подаренныхъ имъ литографированныхъ лекціяхъ по исторіи раскола (за три года), *Нильскаго* и по исторіи западныхъ исповѣданій, *Троицкаго*,—очень многое переписано рукою студента Николая Софійскаго. Затѣмъ мнѣ извѣстно, что, будучи студентомъ, онъ, какъ священникъ, очень часто служилъ,—и при этомъ въ домахъ аристократическихъ. Онъ былъ священникъ—видный, красивый и симпатичный. Знаю, что онъ пользовался большимъ вниманіемъ и ректора Академіи, епископа Антонія (нынѣ митрополита), къ которому ходилъ запросто.

*) Былъ нѣкоторое время ректоромъ Тульской духов. семинаріи.

Послѣ дов. продолжительнаго несвиданія мы, наконецъ, встрѣтились при очень памятныхъ для меня обстоятельствахъ лѣтомъ 1886 года. Въ этомъ году, по окончаніи курса въ Академіи, и, проѣзжая на родину чрезъ село Озарниково, надумалъ заѣхать на перепутье къ Софійскимъ, знал, что о. Николай Софійскій,— тогда студентъ 3-го курса Петербургской Академіи,— уже прибылъ изъ Петербурга. Дѣйствительно, и засталъ дома матушку Марью (мать о. Николая), самого о. Николая и его старшаго глухонѣмого брата.

Изліяніямъ дружескихъ чувствъ между нами не было конца. Бесѣда наша вращалась около событій нашей недавней общей школьной жизни: чего, чего мы не переговорили и не припомнили, вспоминали о товарищахъ и судьбѣ ихъ... Пришло время разставаться, но о. Николай пожелалъ непремѣнно проводить меня. Ѣхалъ я вмѣстѣ съ зятемъ-діакономъ одного изъ сосѣднихъ селъ—на одной лошади и на очень аккуратномъ тарантасикѣ, на которомъ умѣститься троемъ съ удобствомъ было невозможно. И вотъ, о. Николай, не долго думая, возсѣдаетъ на „козлы“; скоро туда перебрался и мой провожатый-діаконъ, и я остался сидѣть „бариномъ“—одинъ. „Вотъ какъ мы торжественно провожаемъ „новоиспеченнаго кандидата“ (т. е. меня), замѣтилъ о. Николай: „доставимъ о. Ивану (моему отцу) въ лучшемъ видѣ“. О. Николай поѣхалъ проводить меня недалеко въ легкомъ чесучевомъ подрясникѣ, но увлекся, не хотѣлъ разставаться и проводилъ меня до... моей родины,—на 20 слишкомъ персть, все время возсѣдая на „козлахъ“. Всю дорогу провели мы въ самыхъ оживленныхъ разговорахъ. Много говорили о будущемъ архіерействѣ о. Николая, потому что уже знали, что на четвертомъ курсѣ онъ приметъ монашество. Между прочимъ, провожавшій меня діаконъ все просилъ о. Николая вспомнить его, когда послѣдній будетъ архіереемъ. „Протопопомъ сдѣлаю“, шуточно отвѣчалъ о. Николай. Такъ мы доѣхали до моей родины. Доселѣ, спустя 23 года, моимъ глазамъ предносится, какъ живая, картина этой поѣздки, какъ будущій знаменитый экзархъ Грузіи скромно возсѣдалъ на козлахъ и добродушно-просто бесѣдовалъ. Въ этомъ фактѣ сказала одна изъ характерныхъ чертъ преосв. Никона, которою онъ всегда отличался и въ своемъ архипастырскомъ санѣ: простота, примота и доступность.

Мой отецъ встрѣтилъ о. Николая, такъ любезно проводивша-

го его сына— „новоиспеченнаго кандидата“, съ необыкновеннымъ радушіемъ и съ нескрываемою радостію. Это былъ для него почетный гость съ его родины: мой отецъ издавна зналъ весь родъ Софійскихъ. Поэтому понятно, что и о. Николай провелъ въ домѣ моего отца съ удовольствіемъ двое сутокъ. Мы много гуляли съ нимъ по полямъ, лѣсамъ костромскимъ...

Слѣдующее мое свиданіе съ о. Николаемъ Софійскимъ состоялось въ Петербургской Академіи въ мартѣ мѣсяцѣ 1887 г. Въ этомъ году мнѣ въ первый разъ пришлось быть въ Петербургѣ, можно сказать, „неволею“. Дѣло въ томъ, что, по окончаніи курса въ Академіи въ 1886 году, я очень долгое время не получалъ никакого назначенія на мѣсто; долго ждалъ, но, наконецъ, не стерпѣлъ и поѣхалъ на свои гроши хлопотать о какомъ-либо мѣстѣ въ Петербургѣ. Рѣшилъ остановиться въ Петербургѣ у студента Н. Софійскаго, узнавъ напередъ, что онъ, какъ священникъ, имѣетъ помѣщеніе вмѣстѣ съ другимъ священникомъ отдѣльное отъ общаго студенческаго. Въ это время Софійскій былъ уже на третьемъ курсѣ и подумывалъ о принятіи монашества.

Встрѣча наша (это было въ мартѣ) была весьма пріятна. Прежде всего мы пріятно и скромно, по-студенчески, угостились, хотя академическая трапеза оказалась очень хорошею: несмотря на великій постъ, обѣдъ былъ рыбный и обильный. Затѣмъ мы долго бесѣдовали и многое воспоминали. Пробылъ я у него дней пять. Насъ посѣщали студенты-земляки. За время этого пребыванія у іерея-студента Софійскаго я и узналъ, что онъ рѣшилъ принять монашество на четвертомъ курсѣ, съ именемъ Никона. Дѣлясь со мною этимъ намѣреніемъ, Софійскій полусутоливо и полусерьезно замѣтилъ: „буду вторымъ Никономъ“. „Да, къ тому времени, можетъ быть, и патріаршество возстановится,— и быть желаю тебѣ вторымъ Никономъ“, сказалъ я, и при видѣ энергичнаго, красиваго, дѣльнаго идоваго іерея Николая,— это не казалось чѣмъ-то совершенно недостижимымъ, или несбыточнымъ...

Въ Петербургѣ мнѣ пришлось проводить 2 марта—день восшествія на престолъ Государя Императора Александра III. Благодаря о. Ник. Софійскому, я свободно попалъ на торжественное богослуженіе въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ служили всѣ три митрополита (Исидоръ, Платонъ и Іоанникій), еще два архіерея и множество столичнаго духовенства. Присутствовали Высочайшія особы, послы, министры и т. д. Обычному смертному почти не

было возможности попасть къ этому богослуженію. По о. Николай придумалъ дов. остроумный способъ для меня проникнуть въ соборъ. „Меня, какъ священника, сказалъ онъ, вѣроятно, пропустятъ, а ты сойдешь у меня за псаломщика, — только нужно взять тебѣ узелокъ въ красномъ платкѣ, яко-бы съ священническими облаченіями“. Такъ и сдѣлали. И дѣйствительно, въ качествѣ псаломщика при о. Николаѣ, я безпрепятственно проникъ въ соборъ—даже до самого клироса — и видѣлъ „всѣхъ и вся“. Такое великолѣпное и торжественное богослуженіе и такое блестящее общество присутствовавшихъ при немъ я видѣлъ въ первый разъ.

За это же время пребыванія моего въ стѣнахъ Петербургской дух. Академіи о. Николай Софійскій устроилъ мнѣ пріятную возможность посѣщать лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ Академіи: благодаря ему, я былъ на нѣсколькихъ лекціяхъ проф. И. Θ. Нильскаго, В. В. Болотова и Кояловича (всѣ теперь—покойные).

Однимъ словомъ, о. Николай принялъ меня въ Академіи, какъ самый гостепріимный; радушный и внимательный хозяинъ,— и какъ такой—любезно проводилъ меня до вокзала.

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же 1887 года пришлось мнѣ и еще разъ быть у студента-іерея Н. Софійскаго въ Петербургской Академіи. Я все еще не имѣлъ назначенія на мѣсто, по окончаніи въ Академіи,—и потому вторично прибылъ въ Петербургъ для справокъ и хлопотъ о мѣстѣ, или иначе, о хлѣбѣ насущномъ. Еще до пріѣзда въ Петербургъ я имѣлъ переписку о своемъ дѣлѣ съ о. Николаемъ. Отъ 25 марта 1887 г. онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ: „Дѣйствуй! мѣстовъ нѣтъ, искателей много. О мѣстахъ узнаютъ, когда они еще только освобождаются... и сейчасъ же просятся“. Писалъ онъ мнѣ по этому поводу и еще не разъ, подписываясь подъ письмами трогательно—просто: „Твой Николай“, или „Твой Николай Андреевъ“ (это—отчество о Николая)*).

*) Здѣсь уместно упомянуть, что я имѣлъ нѣрѣдкую переписку съ Владыкою Никономъ. Доселѣ у меня сохранилось 14-ть его писемъ, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни—именно: ко времени его студенчества въ духов. Академіи, іеромонашества и инспекторства въ Петербургской семинаріи, ректорства во Владимірской семинаріи; ватѣмъ отъ епископа Вольскаго, викарія Саратовскаго, епископа Нарвскаго викарія Петербургскаго, епископа Вятскаго и, наконецъ, архіепископа Владимірскаго. Эти письма я храню, какъ дорогую память о святителѣ-мученикѣ, бывшемъ моемъ „товарищѣ и другѣ“.

Въ этотъ свой прїѣздъ я пробылъ у студента о. Николая Софійскаго пять дней. На этотъ разъ я узналъ въ Учебномъ Комитетѣ о назначеніи меня преподавателемъ исторіи и обличеніи рус. раскола въ Тверскую семинарію, и я довольный уѣхалъ изъ Петербурга, сопровождаемый самыми лучшими благопожеланіями своего милого друга—о. Николая.

При прощаніи со мною въ Петѣрбургѣ о. Николай подарилъ мнѣ, какъ будущему преподавателю исторіи и обличеніи расколосектантства и облич. богословія, три курса литографированныхъ лекцій по исторіи и обличенію раскола проф. И. О. Нильскаго и одинъ курсъ лекцій по исторіи западныхъ исповѣданій проф. И. Е. Троицкаго. Большое спасибо покойному владыкѣ за этотъ, самый тогда подходящій для меня, даръ его: лекціи эти весьма пригодились мнѣ для дѣла. Относительно одного курса лекцій проф. Нильскаго по исторіи раскола (курсъ лекцій—гектографированный относится къ 1884—1885 учеб. году) о. Николай сообщилъ мнѣ, что по поводу его проф. Нильскій приглашаемъ былъ въ Св. Синодъ для объясненій: эти лекціи показались тогда слишкомъ смѣлыми и либеральными. По тому времени, можетъ быть, это и такъ, но при настоящихъ условіяхъ печати врядъ-ли онѣ могутъ возбуждать какіа-либо сомнѣнія со стороны и строгой цензуры. По прочтеніи ихъ, я вынесъ впечатлѣніе, что это только своего рода болѣе или менѣе свободная рекогносцировка въ область правительственныхъ отношеній къ расколу и въ область полемическихъ трудовъ противъ раскола. Между прочимъ, въ настоящее время этотъ курсъ лекцій, несомнѣнно, представляетъ собою библиографическую рѣдкость. Какъ портретъ преосв. Никона, съ его подписью, такъ и этотъ его даръ я храню, какъ самое дорогіе памятники о немъ.

Съ этого времени (т. е. съ августа 1887 года) я въ продолженіе почти цѣлыхъ 12 лѣтъ не встрѣчался съ своимъ „землякомъ, товарищемъ и другомъ“,— и встрѣтился съ нимъ совершенно неожиданно для меня только въ февралѣ мѣсяцѣ 1899 г. въ г. Черниговѣ, когда онъ, будучи назначенъ епископомъ Нарвскимъ, проѣздомъ чрезъ Черниговъ останавливался здѣсь (о чемъ рѣчь дальше).

Но во весь этотъ продолжительный періодъ нашего, такъ сказать, „несвиданія“ я имѣлъ точныя свѣдѣнія о его жизненныхъ перемѣнахъ и служебныхъ передвиженіяхъ и нерѣдко перени-

сывался съ нимъ. Изъ этой переписки приведу здѣсь нѣкоторые выдержки, такъ или иначе для меня памятные и далеко не безразличныя.

Мѣсяца чрезъ полтора послѣ нашего послѣдняго свиданія о. Николай на третьемъ курсѣ, 3 октября 1887 г., принимаетъ постриженіе въ монашество отъ еп. Выборгскаго Антонія, ректора Академіи (нынѣ митроп. Петербургскаго), съ именемъ Никона въ честь препод. Никона, ученика препод. Сергія. Первое письмо отъ него, какъ іеромонаха, я получилъ отъ 23 февраля 1888 г., гдѣ онъ, между прочимъ, особое памятованіе обо мнѣ выразилъ въ такой фразѣ: „есть ли у тебя моя карточка,—не помню; если нѣтъ, съ лекціями (Нильскаго) пришлю. Твой І. Никонъ“.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г. о. Никонъ окончилъ курсъ Академіи. Вскорѣ послѣ окончанія курса онъ прислалъ мнѣ письмо (отъ 14 іюня 1888 г.), изъ котораго видно, какъ сравнительно скромны были желанія молодого іеромонаха на первыхъ порахъ: они не простирались дальше преподавательскаго мѣста въ семинаріи. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ: „послѣ окончанія курса и я нахожусь въ такомъ же невыгодномъ положеніи и томительномъ состояніи, въ какомъ нѣкогда былъ ты *). Какъ разъ нѣтъ ни одного мѣста. Есть слухъ, что у васъ въ Тверской семинаріи имѣется три свободныхъ мѣста. Вѣрно-ли и какія;—пожалуйста сообщи объ этомъ“.

Но о. Никону очень мало пришлось томиться; „томленіе“ его скоро разрѣшилось назначеніемъ его на видную должность инспектора Петербургской семинаріи 27 сентября 1888 г. Очевидно, начальство хорошо знало его и высоко цѣнило. За время его непродолжительнаго инспекторства (около 2½ г.) онъ не одинъ разъ писалъ мнѣ письма дѣловаго характера, въ которыхъ спрашивалъ, между прочимъ, объ ученикахъ, иногда переходившихъ изъ Тверской семинаріи въ Петербургскую и т. п. **). Объ немъ

*) Здѣсь имѣется въ виду, что я, посмотря на то, что кончилъ курсъ Академіи магистрантомъ, однако въ продолженіи дѣлаго года, по окончаніи, не имѣлъ мѣста и былъ по-истинѣ, по выраженію о. Никона, въ „томительномъ положеніи“.

**) Въ одномъ изъ писемъ этого періода онъ сообщилъ для меня, какъ тогда еще очень молодого преподавателя, пріятную новость. Въ письмѣ отъ 24 авг. 1889 г. онъ писалъ: „о тебѣ, какъ расколовѣдѣ и преданномъ своему дѣлу, ходятъ здѣсь большіе слухи“. Это пощекотало мое молодое самолюбіе.

доходилъ до меня слухъ, какъ объ инспекторѣ строгомъ, но безусловно справедливымъ.

30 марта 1891 г. о. Никонъ назначенъ былъ ректоромъ Владимірской семинаріи, съ возведеніемъ, конечно, въ санъ архимандрита. Проѣздомъ чрезъ Тверь на новое мѣсто службы онъ хотѣлъ захватить ко мнѣ, но обстоятельства помѣшали ему исполнить это намѣреніе, о чемъ онъ и извѣстилъ меня уже изъ Владиміра въ письмѣ отъ 17 апр. 1891 г. Письмо это проникнуто особою сердечностію. Поздравляя меня съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и „сердечно благодаря меня за поздравленіе его съ новымъ мѣстомъ (ректора), онъ многозначительно пишетъ мнѣ: „я всегда вѣрую и исповѣдую твою дружбу“, а въ заключеніе прибавляетъ: „прими мой сердечный товарищескій поцѣлуй и благопожеланія. Твой Архим. Никонъ“.

Періодъ ректорства во Владимірской семинаріи ознаменовался для о. архим. Никона тяжелымъ событіемъ: на жизнь его еще тогда было серьезное покушеніе. Это событіе, сдѣланшееся мнѣ извѣстнымъ очень скоро, представляется въ такомъ видѣ.

Режимъ о. ректора Никона многими воспитанникамъ Владимірской семинаріи, не представлявшимъ ясно его благихъ цѣлей, не нравился. Одинъ изъ таковыхъ, обучавшійся въ 3-мъ классѣ, въ цѣляхъ избавленія отъ своего ректора, едва не совершилъ ужаснаго преступленія.—9 мая 1895 г. о. ректоръ, послѣ литургіи, приди въ свой садъ, находящійся на семинарскомъ дворѣ, пересаживалъ цвѣты. Когда онъ наклонился, чтобы пересадить одинъ цвѣтокъ, воспитанникъ С., разгуливавшій по двору, перескочилъ чрезъ невысокій полисадникъ въ ректорскій садъ, подбѣжалъ къ нему и ударомъ топора ранилъ въ затылокъ о. ректора, пробивъ у него клобукъ и кость; С. думалъ было нанести второй ударъ и уже заманухлся... Но о. ректоръ, послѣ перваго удара, не понимая, въ чемъ дѣло, оглянувшись назадъ, увидѣлъ предъ собою воспитанника и, назвавъ его по фамиліи (почившій зналъ всѣхъ воспитанниковъ и не только по фамиліямъ, но и семейное положеніе ихъ), спросилъ: „С., что вы тутъ дѣлаете?“ Въ это время семинарскій служитель, видя все происходившее, подбѣжалъ къ воспитаннику, схватилъ его сзади и обезоружилъ.

Такъ чудеснымъ образомъ милосердіе Божіе спасло жизнь архим. Никону!

Объ этомъ событіи о. Никонъ ничего не писалъ мнѣ: вѣроятно,

ему тяжело было вспоминать объ этомъ, и онъ хотѣлъ великодушно забыть происшедшее и простилъ обидѣвшаго его *).

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1898 г. я узнаю, что о. архим. Никонъ назначенъ епископомъ Вольскимъ, викаріемъ Саратовской епархіи. Въ санъ епископа онъ возведенъ былъ 8 марта сего года въ соборѣ Александро-Невской Лавры, а 19 марта уже прибылъ въ Саратовъ. Я поспѣшилъ послать ему поздравленіе. Въ отвѣтъ на это я получилъ отъ него къ празднику св. Пасхи письмо, отъ 8 апрѣля 1898 г., съ выраженіемъ благодарности за поздравленіе и съ пасхальнымъ привѣтствіемъ. Въ этомъ письмѣ въ первый разъ прежнее обращеніе его ко мнѣ на „ты“ мѣняется на „вы“, но это ничуть не было знакомъ переменъ его отношеній ко мнѣ, которыя остались одинаково добрыми и товарищескими до конца дней его, а было дѣломъ его такта и его высокаго мнѣнія о епископскомъ санѣ. Письмо начинается по-прежнему любезно и по-товарищески: „Христосъ воскрес, дорогой мой товарищъ и землякъ Д. И.“. Поздравленіе онъ пишетъ въ такой формѣ: „поздравляю Васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и желаю чрезъ празднованіе земной Пасхи сподобиться празднованія Пасхи вѣчной въ невечернѣмъ дни Царствія Христова“.

Съ 1 августа 1898 г. и до февраля 1899 г. преосвящ. Никонъ проживалъ въ Симферополѣ, куда онъ былъ командированъ въ цѣляхъ оказанія содѣйствія въ управленіи болѣвшему тогда таврическому епископу Михаилу и для служенія.

6 февраля 1899 г. преосвящ. Никонъ былъ назначенъ епископомъ Нарвскимъ, третьимъ викаріемъ Петербургской епархіи. 20 февраля онъ отправился изъ Симферополя въ Севастополь, а оттуда моремъ въ Одессу, а изъ Одессы прямо въ Петербургъ.

Проѣзжая чрезъ Черниговъ, преосвященный остановился здѣсь, чтобы воздать поклоненіе мощамъ новоявленнаго угодника Божія Феодосія. Онъ остановился въ покояхъ преосвященнаго викарія Черниговскаго Евфимія. Тутъ-то и состоялось наше свиданіе съ нимъ послѣ 12-лѣтней разлуки, когда въ 1887 г. мы въ августѣ

*) Вотъ какъ о. Никонъ отнесся къ поступку воспитанника С. Несмотря на то, что опасность для жизни отъ полученной раны была велика, о. Никонъ, когда этотъ воспитанникъ былъ арестованъ, самъ поѣхалъ хлопотать за него, приводилъ всякаго рода смягчающія вину обстоятельства и добился его освобожденія. Когда же впоследствии о. Никонъ вернулся во Владиміръ на каюдру, то далъ этому лицу—своему чуть не убійцѣ—мѣсто псаломщика.

разстались въ Петербургѣ,—онъ, еще будучи студентомъ, а я,— только-что вновь назначеннымъ преподавателемъ. Это было такъ.

Въ то время я волею судебъ былъ засланъ въ Черниговъ преподавателемъ семинаріи и проживалъ на квартирѣ въ домѣ одного заштатнаго протоіерея. Вдругъ, въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ подѣзжаетъ къ моей скромной квартирѣ коляска преосвященнаго викарія; что не мало удивило меня. Скоро подають мнѣ визитную карточку; на ней значилось приглашеніе отъ проѣзжавшаго нарвскаго преосвященнаго Никона, остановившагося въ покоехъ преосв. Евфимія, повидаться съ нимъ. Трудно представить, какъ я несказанно радъ былъ этому неожиданному приглашенію,—и, конечно, тотчасъ же отправился по нему. Встрѣтились. Сначала владыка благословилъ меня, потомъ мы обнялись и расцѣловались. Преосвящ. Никонъ замѣтно измѣнился: видный и представительный и раньше, онъ выглядѣлъ еще болѣе внушительнымъ и серьезнымъ, хотя въ то же время его красивое лицо, какъ и всегда, дышало чисто русскимъ простодушіемъ, а проницательные глаза добротою и простотою взгляда.

Преосвящ. Евфимій (нынѣ Енисейскій и Красноярскій), одинъ изъ добрейшихъ архіереевъ, какихъ я знавалъ, удалился во внутренніи свои покои, деликатно оставивъ насъ побесѣдовать вдвоемъ. И мы, дѣйствительно, побесѣдовали вдосталь,—до полночи: поразказали другъ другу о своемъ житьѣ-бытьѣ, а поразказать было о чемъ: не мало уже пережито нами за время разлуки съ 1887 г. Когда я хотѣлъ поразспросить преосвященнаго подробнѣе о непріятности, пережитой имъ во Владимірѣ, то онъ замахалъ рукой и сказалъ: „что было, то прошло и былѣемъ поросло“. Видно, что тяжело было ему вспоминать объ этой исторіи.

Не хотѣлось намъ разставаться, но пришло время. На прощанье я не утерпѣлъ, чтобы не сказать преосвященному: „какой же ты хорошій архіерей, какъ хотѣлось бы увидать тебя при служеніи“. „Пріѣзжай гостить въ Петербургъ и посмотришь“. И я тутъ же рѣшилъ побывать у него въ Петербургѣ.

Лѣтомъ, 15 іюля, я поѣхалъ въ Петербургъ отчасти по дѣламъ, но главнымъ образомъ хотѣлось провести нѣсколько дней у преосв. Никона на свободѣ,—въ товарищескомъ общеніи. Къ великому моему огорченію, я не засталъ преосв. Никона дома: онъ уѣхалъ по епархіи („мы, викаріи“, писалъ потомъ по этому поводу преосвященный, „собою не располагаемъ“). Однако на

всякій случай онъ, какъ мнѣ доложили, распорядился о приѣмѣ меня во время его отсутствія, и я прожилъ въ его покояхъ пять дней, можно сказать, полнымъ хозяиномъ: въ моемъ распоряженіи были всѣ его комнаты; и я угощался его архіерейской трапезой (впрочемъ, точнѣе, лаврской, потому что ему шла трапеза съ лаврскаго стола). Памятная любезности!

Другой разъ мнѣ пришлось быть у преосвящ. Никона въ Петербургѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1901 г., когда я, въ числѣ нѣсколькихъ преподавателей, былъ вызванъ въ Петербургъ для просмотра семинарскихъ программъ. Тогда я пробылъ у преосвящ. Никона почти недѣлю (26 авг.—1 сент.). Въ этотъ разъ онъ устроилъ мнѣ возможность быть во время литургіи въ соборѣ Александро-Невской Лавры въ храмовой праздникъ (30 авг.), когда здѣсь бываетъ необычайное торжество. Благодаря преосвященному, я стоялъ въ соборѣ на одномъ изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ. Тогда я увидалъ преосвящен. Никона въ первый разъ при служеніи вмѣстѣ съ митрополитомъ и др. архіереями и былъ пріятно пораженъ: „какой хорошій, видный, истовый и славный архіерей“, любовался я на него, какъ своего „товарища и друга“.

По окончаніи продолжительнаго богослуженія и обычной трапезы у владыки-митрополита, часу уже въ шестомъ вечера преосвященный вернулся въ свои покои, гдѣ я съ нетерпѣніемъ ждалъ его. Кажется, послѣ такого утомленія ему оставалось думать только объ отдыхѣ. Однако, вмѣсто этого, преосвященный прежде всего занялся почтой, просмотромъ газетъ и журналовъ, а потомъ, распорядившись чаемъ, продолжительно бесѣдовалъ со мною и прибывшимъ къ тому времени однимъ синодскимъ чиновникомъ-костромичемъ. Много новаго и поучительнаго сообщилъ мнѣ тогда преосвященный товарищъ. Между прочимъ, помнится, что относительно пересмотра семинарскихъ программъ, чѣмъ я тогда всецѣло былъ заинтересованъ, онъ замѣтилъ: „вовсе не въ программахъ дѣло, не въ нихъ причина упадка школьнаго духовнаго образованія, а гораздо глубже: „духа не угашайте“, сказалъ апостолъ..., а онъ-то у насъ и гаснетъ въ духовной школѣ“... „Конечно, и программы нужно почистить“, прибавилъ потомъ онъ.

Поздно разстались послѣ бесѣды на покой. Мирный и крѣпкій сонъ. Но вотъ я просыпаюсь что-то около 6—7 часовъ утра и слышу то чтеніе, то пѣніе. Прислушиваюсь и начинаю разбирать слова молитвы и пѣніе церковныхъ пѣснопѣній. Оказывается,

это совершалъ утреннюю молитву преосвященный въ своей молельной комнатѣ. Очень умиительно и поучительно это было для меня! Вскорѣ владыка—бодрый, свѣжій и благодушный—вошелъ ко мнѣ поднимать меня отъ сна.

Во время утренняго чая владыка подарилъ мнѣ свою фотографическую карточку съ надписью: „земляку, товарищу и другу“,— о чемъ сказано выше.

На другой день послѣ этого, 1 сентября, я уѣхалъ отъ преосвященнаго своего товарища, согрѣтый его любовью и вниманіемъ. Тепло и мирно было на душѣ, особенно отъ сознанія того, что высокій санъ одного изъ близкихъ друзей моей юности не отдалилъ его отъ меня, а только дружескую близость сдѣлалъ болѣе дорогою, цѣнною.

Въ это свое свиданіе съ преосвященнымъ я, между прочимъ, интересовался узнать отъ него, скоро-ли и какого движенія онъ ожидаетъ. Я высказалъ при этомъ лучшія пожеланія ему, указывая и на лучшія архіерейскія кафедры, которыхъ онъ достоинъ. Но владыка скромно замѣтилъ: „зачѣмъ такъ мечтать, хорошо будетъ, если намъ Вятку дадутъ“. И дѣйствительно, прошло послѣ этого только три мѣсяца, какъ онъ, 10 декабря 1901 г., назначается епископомъ вятскимъ. Отъ вятскаго, такъ сказать, періода жизни преосвященнаго у меня сохранилось одно письмо его, характеризующее его, какъ заботливаго хозяина своего архіерейскаго дома. Онъ пишетъ о ремонтѣ вятскаго архіерейскаго дома и проситъ меня выслать ему альбомъ или преискурантъ изъ лучшаго въ Тулѣ металлическаго магазина принадлежностей ремонта (приборы къ окнамъ, дверямъ и т. п.). Просьбу я исполнилъ.

Не долго преосвященный пробылъ въ Вяткѣ. 28 ноября 1904 г. онъ назначается въ епископы Владимірскіе и чрезъ 1¹/₂ года послѣ этого возводится въ санъ архіепископа *).

*) Съ назначеніемъ преосвящ. Никона на Владимірскую кафедру я привѣтствовалъ его письмомъ слѣдующаго содержанія. „Будучи искренно обрадованъ вѣстію о назначеніи Вашего Преосвященства на древнюю Владимірскую кафедру, я отъ души поздравляю Васъ съ этимъ назначеніемъ. Какъ-то въ одномъ изъ писемъ своихъ я предсказывалъ Вамъ быть іерархомъ именно въ центрѣ Россіи,—и теперь это мое предсказаніе въ извѣстномъ смыслѣ сбывается: вѣдь Москва есть пріемница Владимира по митрополю. Не простираясь далѣе въ область предсказаній, отъ души желаю Вамъ въ знакомой уже Вамъ по прежней службѣ въ епархіи послужить во славу св. церкви и отечества“—и пр.

Отъ владимірскаго періода жизни преосвященнаго у меня сохранилось два письма, въ одномъ изъ коихъ онъ опять рисуется, какъ заботливый хозяинъ. Онъ пишетъ о капитальномъ ремонтѣ архіерейскаго дома во Владимірѣ, а потомъ приглашаетъ меня погостить на архіерейскую дачу. Я не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ.

Послѣднее наше свиданіе съ преосвященнымъ было въ августѣ 1907 г., когда онъ уже былъ экзархомъ Грузіи (куда назначенъ былъ 9 іюня 1906 г.). Въ это время онъ, какъ членъ Св. Синода, проживалъ въ покояхъ Александро-Невской Лавры. При немъ были управляющій Грузинскою Синодальною Конторою іером. Зиновій и его эконоомъ. Въ день Преображенія Господня и побывалъ у литургіи въ Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ служилъ преосвященный. Послѣ литургіи я радушно былъ принятъ своимъ высокимъ товарищемъ. Завязалась, по обычаю, живая, можно сказать, пріятельская бесѣда..., но эта бесѣда по временамъ принимала какой-то грустный оттѣнокъ. Нѣтъ,— нѣтъ, да преосвященный вспоминалъ о Тифлисѣ и не разъ проговаривался въ такомъ родѣ: „на военномъ положеніи живу теперь“, „вѣдь, всегда казаки провожаютъ меня“, кто знаетъ, грузинскіе пріятели могутъ и убить меня“...*). Грустью и скорбію вѣяло отъ этихъ словъ, хотя я, не будучи надлежащимъ образомъ освѣдомленъ о церковныхъ дѣлахъ Грузіи, не придавалъ надлежащаго серьезнаго значенія словамъ владыки.

Трогательно было наблюдать простоту высокопреосвященнаго экзарха въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ—упомянутымъ выше о. Зиновію и о. эконоому. О. Зиновій и о. эконоомъ, между прочимъ, играли въ шахматы. Въ это время входитъ въ ихъ

*) Въ биографіи преосвящ. Никона, составленной г. Л. И. Софійскимъ, это обстоятельство отмѣчено. Здѣсь на стр. 129 читаемъ: „повидимому, самъ Владыка ожидалъ трагическаго конца отъ „хищныхъ волковъ“ Кавказа. По крайней мѣрѣ, въ послѣдній его пріѣздъ въ столицу (въ 1907 г.) въ бесѣдѣ съ земляками онъ говорилъ,— что „можетъ статься, что и убьютъ меня, но смерти я не боюсь. Умирать вѣдь надо и въ тихихъ епархіяхъ, въ мирное время. Такъ лучше умереть въ борьбѣ за правое дѣло, за истину святую, на посту воина среди яростныхъ враговъ. Это смерть почетная. А что величественнаго умереть въ келліи, защищенной даже отъ сквознаго вѣтра. Но—добавилъ владыка съ увѣренностію и твердостію,— за что однако же грузинамъ убивать меня? И ни капли растерянности, малодушія не чувствовалось въ рѣчахъ Архиаствыря“.

комнату преосвященный. Продолжали играть, и преосвященный, наблюдая за игрой, не рѣдко дѣлалъ очень удачныя указанія шахматныхъ ходовъ. Но когда наступило время обѣда, онъ преспокойно смѣшалъ шахматы и пригласилъ всѣхъ къ обѣду. Трапезовали всѣ вмѣстѣ. Преосвященный усердно угощалъ и меня, и своихъ подчиненныхъ, подиравляя свое угощеніе радушною бесѣдою. При такомъ угощеніи подчиненные чувствовали себя совершенно непринужденно. Послѣ обѣда преосвященный, по обычаю, отправился на часовой отдыхъ, а я ушелъ въ свои номера, попросивъ благословенія на другой день побывать у него для прощанія.

И дѣйствительно, на другой день (7 августа) было мое, какъ оказалось, послѣднее прощаніе съ нимъ, какъ живымъ. Конечно, мнѣ и въ мысль не приходило, что оно будетъ послѣднимъ при видѣ полнаго жизни и энергіи іерарха. На этотъ день мы бесѣдовали въ его кабинетѣ, но бесѣда эта очень часто прерывалась многочисленными визитерами. Помнится, какъ я любовался бриллиантовымъ крестомъ, не за долго предъ симъ (къ 6 мая 1907 г.) ему пожалованнымъ. Помнится, какъ онъ говорилъ о многочисленныхъ дѣлахъ, на него возложенныхъ по школьному дѣлу, а особенно по вопросу о реформѣ Грузинской церкви. Помнится, какъ онъ не прочь былъ посодѣйствовать и моему служебному положенію, предлагая мнѣ довольно значительныя мѣста въ своемъ экзархатѣ, но не скрывая и трудности и неудобства служенія тамъ. Помнится, наконецъ, какъ онъ подарилъ мнѣ на память хотя незначительную вещь (зажигательницу), но теперь для меня дорогую... Все живо помнится изъ этого послѣдняго свиданія. Я очень звалъ преосвященнаго, при возвращеніи его на мѣсто служенія — въ Тифлисъ, — захватить въ Тулу и побывать у меня. Не отказываясь прямо, владыка шутливо замѣтилъ: „семья-то у меня очень велика“ (разумѣя свою свиту).

Но не прошло послѣ этого и года, какъ пришлось мнѣ пови-
дать владыку Никона все-таки въ Тулѣ..., но при какихъ скорбныхъ обстоятельствахъ и въ какой печальной обстановкѣ: пришлось тогда воздать послѣднее цѣлованіе своему высокому другу, уже по гробѣ лежащему.

Это было 6 іюни 1908 г. Вспомню объ этомъ здѣсь такъ, какъ у меня записано подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ въ моей дневной памяткѣ подъ 6 іюня. — Утромъ я прочиталъ въ „Тул.

Молвъ“ телеграмму Государя Императора на имя наместника Кавказскаго края по поводу убійства экзарха Никона, отъ 1 іюня, такого содержанія: „Глубоко возмущенъ гнуснымъ убійствомъ экзарха Грузіи Никона. Увѣренъ, что все благомыслящіе жители Кавказа удручены такъ же, какъ и Я, этимъ злодѣяніемъ. Благодарю выразившихъ намъ чувства негодованія. Николай“.

Вскорѣ получена была повѣстка отъ о. ректора семинаріи, съ приглашеніемъ всехъ преподавателей на вокзалъ для встрѣчи тѣла усопшаго экзарха Никона, слѣдовавшаго сегодня чрезъ Тулу съ экстреннымъ поѣздомъ въ половинѣ 4-го часа. Для совершенія панихиды на вокзалъ прибылъ Преосвященный Пареній и масса тульскаго и отчасти приѣзжаго (на съѣздъ) духовенства. Соборная панихида была совершена Преосвященнымъ Пареніемъ весьма торжественно. Послѣ панихиды, стоя въ вагонѣ съ гробомъ почившаго, Преосвященный сказалъ краткую прочувствованную рѣчь, въ которой провелъ мысль, что прибывшій неожиданно „гость“ (преосвящен. Никонъ) все намъ подаетъ безмолвный урокъ,— какъ нужно служить Церкви, Царю и Отечеству: онъ душу свою положилъ за дѣло церкви православной, за Царя и родину.

Встрѣчавшихъ гробъ было весьма много.

Я входилъ въ самый вагонъ, въ которомъ былъ гробъ съ тѣломъ почившаго, и прощался съ нимъ.

Боже, сколько думъ пронеслось въ это время въ моей головѣ— при прощаніи съ столь близкимъ по раннему дѣтству и юности человѣкомъ, поднявшимся такъ высоко и такъ трагически скончавшимся! Вагонъ представлялъ собою моленную, украшенную иконами, хоругвями и многочисленными вѣнками.

Въ вагонѣ я встрѣтился съ управляющимъ экзаршею канцеляріею о. архим. Зиноіемъ, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ прошлымъ лѣтомъ (т. е. въ 1907 г.). Онъ удрученъ событіемъ и затруднялся объяснить,— „за что собственно убили Никона“...

По этому поводу сдѣлаемъ отступленіе отъ своихъ личныхъ впечатлѣній и выпишемъ нѣсколько строкъ изъ біографіи преосвященнаго Никона, составленной г. Софійскимъ, касающихся оцѣнки широкой дѣятельности владыки.

„Что же онъ сдѣлалъ достойнаго смерти“? Такимъ вопросомъ начинаются эти строки, и далѣе дается слѣдующій отвѣтъ: „А то,

что онъ хотѣлъ привить чувство порядочности, законности и долга, почти утраченное мѣстнымъ духовенствомъ, отвлекъ это духовенство отъ базарнаго политиканства мелкой фабричной марки къ отправленію своихъ прямыхъ обязанностей — жить не внѣ приходо́въ, а въ приходо́вахъ, служить и учить народъ въ церкви и шко́лахъ,—то, что дух.-учебнымъ заведеніямъ, потерявшимъ образъ и подобіе этихъ заведеній, хотѣлъ возратить и то и другое, къ чему приложилъ личныя усилія,—то, что Синодальную (Грузино-Имеретинскую) Контору хотѣлъ превратить въ дѣйствительно правительственное учрежденіе,—то, что издалъ переводъ книгъ богослужебныхъ на абхазскій языкъ, а также добился отпуски изъ казны не одной сотни тысячъ рублей на исправленное изданіе грузинской библіи и на учрежденіе для этой цѣли института справщиковъ,—то, что въ предстоящую поѣздку въ Петербургъ онъ хотѣлъ добиться, чтобы средства церковнаго грузинскаго казначейства остались мѣстными средствами, а все, какъ и въ прочихъ епархіяхъ Россіи, было взято на средства казны;—то, что въ ту же поѣздку онъ хотѣлъ добиться открытія въ Кутаисѣ подлинной духовной семинаріи, а не низшей поддѣлки подъ нее... „У насъ,—говорилъ загубленный экзархъ,—здѣсь масса святыхъ, онѣ разваливаются; средствъ для поддержки ихъ нѣтъ; у насъ другія епархіальныя нужды, для устраненія которыхъ нѣтъ денегъ; пусть казна возьметъ на себя, что ей полагается взять, а церковное казначейство оставитъ намъ; мы и святыхъ поддержимъ и многое упорядочимъ“.

Вотъ и всѣ преступленія загубленнаго Экзарха *). Возвращаемся къ гробу, оставленному въ вагонѣ. Послѣ разговора съ о. Зиновіемъ и перекинулся нѣсколькими словами съ однимъ тифлискимъ протоіереемъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ: „для Васъ онъ (т. е. преосвящ. Никонъ) былъ дорогой товарищъ и другъ, а для меня — красное солнышко“!

Нѣкоторые изъ прибывшихъ на панихиду плакали въ виду этого трогательнаго поѣзда. Взгрустнулось и мнѣ до слезы! Да, тяжелое событіе!

Въ заключеніе и на память себѣ и чтившимъ и чтущимъ Святителя Никона отмѣтимъ здѣсь главныя жизненныя и служебныя событія изъ его біографіи.

*) Л. И. Софійскій. Высшкореосвященный Никонъ. СПб. 1909. Стр. 132.

1. Родился 14 марта 1861 г.
2. Осиротѣлъ 3-хъ лѣтъ.
3. Окончилъ курсъ Костромской семинаріи 1882 г.
4. По окончаніи въ семинаріи, $\frac{1}{2}$ года служилъ надзирателемъ Макарьевского дух. училища.
5. Въ февралѣ 1883 г. принялъ санъ священства и поступилъ въ с. Мамонтово, Макарьев. у.
6. Спустя 1 г. и 3 м. брачной жизни, скончалась въ день его Ангела, 9 мая 1884 г. его жена Серафима Θεодоровна.
7. Въ 1884 г. онъ поступаетъ въ СПБ. духовную Академію.
8. 3 октября 1887 года, на третьемъ курсѣ Академіи отъ ректора Академіи, Епископа Антонія Выборгскаго, принимаетъ монашество съ именемъ Никона въ честь преп. Никона, ученика преп. Сергія.
9. Въ 1888 г. въ іюнѣ окончилъ курсъ Академіи.
10. 27 сен. 1888 г. назначенъ инспекторомъ Петербургской семинаріи.
11. 30 марта 1891 г. былъ опредѣленъ ректомъ Владимірской д. семинаріи.
12. 26 янв. 1898 г. назначенъ Епископомъ Вольскимъ, викаріемъ Саратов. епархіи.
13. 8 марта 1898 г. совершена хиротонія его во епископы въ соборѣ Александро-Невской Лавры.
14. Въ концѣ іюля 1898 г. былъ командированъ въ цѣляхъ оказанія помощи болѣвшему Таврическому епископу Михаилу.
15. 6 февраля 1899 года назначенъ Епископомъ Нарвскимъ, третьимъ викаріемъ Петербургской епархіи.
16. 10 дек. 1901 г. назначенъ Епископомъ Вятскимъ.
17. 28 ноября 1904 года назначенъ Епископомъ Владимірскимъ.
18. Къ 6 мая 1906 г. возведенъ въ санъ Архіепископа.
19. 9 іюня 1906 г. назначенъ Экзархомъ Грузіи.
20. Къ 6 мая 1907 г. пожалованъ ему брилліантовый крестъ на клобукѣ.
21. 28 мая 1908 г. убитъ въ г. Тифлисѣ.
22. 7 іюня 1908 г. погребенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.
23. Лѣтомъ 1908 г. совершено украшеніе и убранство могилы Святителя-мученика. Внизу кіота надъ могилой придѣлана мрамор-

морная доска , на которой тисненіемъ по золоту большими славянскими буквами сдѣлана слѣдующая надпись:

Членъ Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященный Никонъ, Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій, Эвзархъ Грузіи,

убитъ въ г. Тифлисѣ 28 мая 1908 г. на 48 году жизни.

Въ завѣщаніи своемъ, составленномъ еще 31 окт. 1905 года, преосвящ. Никонъ, между прочимъ, писалъ: „Прежде всего благодарю Бога за Его безконечную любовь и милосердіе къ моему именно недостойнству, явленный въ рожденіи меня отъ служителя алтаря Господня, въ воспитаніи въ духовной школѣ, въ поставленіи на пастырское служеніе, въ облеченіи меня монашествомъ и въ возведеніи въ санъ Епископскій и въ быстромъ движеніи моемъ по службѣ.

Исповѣдаю, Господи, что я недостойнъ былъ высокаго сана Епископскаго и недостойно проходилъ его, молю милосердіе Твое простить мнѣ это и пощадить меня на страшномъ судѣ Твоемъ и уповаю, что помилуешь меня, кающагося Тебѣ, и утѣшаюсь, что хотя я былъ плохъ, но былъ рабъ Твой, хотя служилъ худо, но все же служилъ и желаю служить Тебѣ“.

Да пошлетъ же Господь Богъ Свое милосердіе и прощеніе уповающему на Его помилованіе усопшему рабу Своему Святителю-мученику!

Вѣчная ему память!

Дмитрій Скворцовъ.
